

Олешкова Анна Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета

КОГНИТИВНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИСКУРСА И ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Аннотация:

Понятие «дискурс» имеет многообразие трактовок и балансирует между филологической и философской составляющими. Дискурс является одновременно способом построения социальных отношений и их результатом. При этом метод дискурс-анализа (включая его разновидности) предоставляет новые эмпирические возможности ученым, которые ставят целью понять особенность формирования социальной действительности. Дискурс-анализ представляет собой комплексный метод, который может применяться в разных дисциплинах: социологии, политологии, философии, лингвистике, культурологии, истории и др. Тезис о конституирующей роли дискурса в повседневной жизни позволяет особым образом трактовать социальную реальность, опыт и смыслы, которые она порождает. При всей значимости социально-конструктивистской эпистемологии важную роль играют когнитивный (уделяется внимание ментальным феноменам, репрезентированным в текстах) и этический (дискурс как условие социального действия) аспекты понимания самого явления «дискурса» и методов его изучения.

Ключевые слова:

дискурс, дискурс-анализ, воплощенное познание, критическая теория, конструктивизм, экспериментализм, мышление, разум, тело.

Oleshkova Anna Mikhailovna

PhD in History, Associate Professor, Humanities and Socio-Economic Sciences Department, Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch), Russian State Vocational Pedagogical University

COGNITIVE AND ETHICAL BASES OF DISCOURSE AND DISCOURSE ANALYSIS

Summary:

The definitions of discourse are varied, bearing both philosophical and philological features. Discourse is a means to establish social relationships as well as their result. Discourse analysis (including its varieties) presents new empirical opportunities for scholars, who are seeking understanding of social reality. Discourse analysis is a complex method that has a potential to be applied to various studies: sociology, political theory, philosophy, linguistics, cultural studies, history, etc. The capacity of discourse to constitute everyday life gives us an opportunity to interpret social reality, our experiences and meanings that are created within it. In social-constructionist epistemology the major role is given to these two perspectives: cognitive (where discourse is viewed as a mental phenomenon, represented in texts) and ethical (where discourse is viewed as a condition for social action). These are the aspects of understanding of discourse and the methods for its examination.

Keywords:

discourse, discourse analysis, embodied cognition, critical theory, constructivism, experimentalism, thinking, mind, body.

Выведение на первый план когнитивной составляющей формирования и интерпретации дискурса подразумевает выявление взаимобратной связи текста и мышления автора данного текста, а также особенностей воздействия текста на сознание реципиента. Этический аспект связан с критической теорией, взглядами представителей Франкфуртской школы, в частности, с коммуникативной теорией Ю. Хабермаса, в рамках которой следует говорить о связи дискурс-анализа и герменевтики. Оба аспекта, несмотря на то, что представляют собой разные, неоднородные особенности дискурсивных исследований, позволяют, во-первых, обратиться к трактовке дискурса одновременно и как способа, и как результата структурирования социокультурного пространства, что обуславливает обращение к проблеме категоризации; во-вторых, акцентировать внимание на новой роли познающего субъекта, так как в изучении дискурса важное значение имеет опыт, свойственный любому индивиду, являющемуся частью исследуемого дискурса.

Изучение дискурса, уточнение методологии особенно важно сегодня, когда большое количество социальных контактов, взаимодействий разного характера (как в приватной, так и публичной сферах) происходит в форме онлайн-коммуникации, а информацию о происходящем мы получаем посредством медиа. Дискурсивные исследования актуализируют центральную роль языка в социальных процессах, позволяют установить связь между СМИ и иными социальными институтами, что особенно важно, так как в современном обществе любая социальная практика может обрести институциональные формы.

Традиции структурализма и постструктурализма позволили также рассматривать язык как способ конструирования мира. С одной стороны, структурированность языковых практик делает

язык пригодным для развития идеологии, с другой – для выработки способов ее изучения. Особенностью современного миропорядка является его высокая степень конфликтности. Помимо классических форм конфликтов, которые сопровождают человечество, сегодня следует обращать внимание на риторические столкновения между разными социальными группами, реализующими свой «языковой инстинкт» [1]. Новостная хроника, комментарии к ней, тексты в социальных сетях представляют собой эмпирический материал для выявления идеологической позиции «говорящего субъекта» и механизмов ее формирования. Так, голландский лингвист Т. ван Дейк представил модель функционирования новостного контента. Он изучал распространение в обществе расистских представлений, характеризовал определенные ментальные модели, которые порождаются соответствующим событием и оказываются восприимчивыми к нелегитимному дискурсу [2].

Существуют теории, описывающие разные степени лингвистического детерминизма, связывающие язык и социальные процессы в самых крайних формах, учитывающие опыт субъекта и экстралингвистические факторы. Так, Б. Уорф приводит в пример обобщение своей деятельности по изучению докладов, приведших к возникновению пожара или взрыва: лексические обозначения явлений могут быть основой поведения людей [3, с. 136]. Все наши действия и оценки – проявление категоризации. Либералы и консерваторы, политическая активность и абсентеизм, левые и правые – примеры категоризации в политике, но ее можно обнаруживать в любом нашем опыте: от повседневных рутинных действий до идеологических суждений и даже академических теорий. Излишнюю рациональность, свойственную миру науки, критиковали еще франкфуртцы, которые уже в эпоху Просвещения увидели склонность научного знания к безапелляционности, тоталитарности, механистичности, что, как следствие, не способствовало обретению истины, а напротив, вело к формированию ложного сознания [4, с. 40]. События, действия, эмоции, отношения – любое проявление социокультурного пространства пронизано категоризацией.

Важная роль в развитии когнитивного направления в изучении дискурса принадлежит М. Джонсону и Дж. Лакоффу [5], хотя трансформации статуса категорий в науке можно наблюдать гораздо раньше. Следует говорить о двух подходах к категоризации: классическом (объективистском) и опытным реализме (экспериментализме) [6, с. 14]. Первый сформировался еще в недрах философии. В истории философского знания период с Аристотеля до Витгенштейна рассматривается как время господства подхода, в котором категории представлены как глобальные сущности, «вместилища», относительно которых вещь будет либо внутри категории, обладая признаками родства, либо вне ее. Никаких эмпирических исследований в таком подходе еще не проводилось. Для опытного реализма актуальным является принципиально иное понимание соотношения разума и тела. Разум, мышление рассматриваются как феномены, связанные с телом. Мышление в этой логике не абстрактный и материальный элемент, напротив, он определяется, во-первых, телесностью субъекта, во-вторых, формируется и действует не за счет своей независимости, автономности, а в контексте использования человеком образных его аспектов. Поясним, что образы в когнитивных исследованиях понимаются по-разному, например, как часть феноменального опыта; ментальная репрезентация; атрибут стимульного материала, прежде всего, в лабораторных исследованиях; как элемент, связанный с познавательной деятельностью [7, с. 8].

Язык классифицирует мир. Язык как структура – идея, продуктивно развиваемая в рамках когнитивных наук, философии языка и социально-гуманитарном знании, особенно с учетом лингвистического поворота XX в. Философское осмысление языка в категориях «структуры» позволяет рассматривать процесс детерминированности мыслей и чувств людей, а также характеристик мира в целом, в котором находится общество в конкретно-исторических условиях. Структуралистские теории лингвистического детерминизма указывают на зависимость языка от опыта.

Существуют различные ракурсы восприятия одного и того же явления в зависимости от категорий, существующих в языке. Язык как бы задает правила жизни. Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, язык детерминирует специфику взаимоотношений в обществах, определяет мышление субъектов [8, с. 17–18]. Такая обусловленность мышления, языка и поведения, совместно с критической теорией и критическим дискурсом-анализом выходит на анализ способов воспроизводства неравенства, которое проявляется через язык и существует в различных формах. В этой связи не случайно, что критическая теория может быть названа «герменевтикой подозрения», что определенным образом характеризует не только познаваемого, но и познающего субъекта. С одной стороны, такой акцент в анализе может говорить о субъективности трактовок, с другой – в этическом плане характеризует субъекта как сторонника идей социальной справедливости; актора, который использует научный метод для выявления случаев злоупотребления власти в языке, кейсов, связанных с нелегитимным доминированием.

Идеологичность языка доказывается обусловленностью наших оценок определенными «паттернами», фиксирующими иерархический характер общественного устройства. Идеологию можно понимать как власть (дискурс – тоже). Мы начинаем думать, как те или иные влиятельные группы (институты). Конструктивистский подход предполагает предрасположенность субъекта к

определенным действиям в разных сферах: религии, экономике и др. [9, с. 131]. Следует понимать, что «габитус» представляет собой устойчивый феномен и «паттерн» обладает повторяющимися, закономерными характеристиками. В определенной степени можно говорить о том, что поведение субъекта, его оценки действительности являются проекцией телесного («снизу», «изнутри») и социального опыта («сверху», «снаружи»).

Когнитивные процессы тесно переплетаются с моральными суждениями, что отражено в повседневных практиках человека. Социальные науки не должны избегать герменевтического измерения [10, с. 34]. Отстаивая важность герменевтики, Ю. Хабермас обозначил тройственную роль этого направления в процессе понимания социальной реальности: необходимо учесть намерения говорящего, межличностные отношения, информацию о том, что в принципе имеет возможность существовать [11, с. 40]. В этом заключается отличие эпистемологии от герменевтики. Таким образом, мы получаем тройственную связь между говорящим, слушающим и обществом в целом. Субъект получает возможность совместной коллективной идентичности, может «опознавать» близких себе субъектов, используя язык своей социальной группы: воспроизводство характерных моделей поведения; сплочение и координация действий; социализация в той среде, которая является референтной для акторов [12, с. 41].

Стоит учитывать, как следствие, что процедура герменевтического «вчувствования» может быть затруднительна, ведь она предполагает способность понять сознание условного Другого [13, с. 47–48]. С учетом критического аспекта – связующего звена когнитивного и этического как в методологическом, так и мировоззренческом отношении – следует оговориться, что в столкновении с агрессивной информационной средой, в которой будут репрезентироваться смыслы, возможно некритическое принятие идей извне субъектом.

Коммуникативная теория Хабермаса позволяет анализировать феномен массового поведения с точки зрения морали. Существуют так называемые фундаментальные нормативные ожидания, которые должны восприниматься не только Я и Другим, но и любым «вменяемым актором» [14, с. 75]. Как следствие, такой актор должен испытывать чувство вины и долга в тех ситуациях, где это предполагается.

Ю. Хабермас рассматривает вопросы взаимодействия субъектов в публичном пространстве. Массовое общество – это тот актуальный дискурс общества XXI в., в котором особенно важно учитывать и развивать идеи диалога и консенсуса. Такая линия критической теории выглядит более оптимистичной на общем фоне «герменевтики подозрения». Предполагается, что индивид может выступать в качестве субъекта. Такой вид коммуникации строится на интересубъективности. Можно сказать, Хабермас учел в процессе коммуникации этический аспект.

Таким образом, дискурс-анализ в своей критической форме и с учетом «конструктивистской» и «эксперименталистской» парадигм позволяет, с одной стороны, акцентировать внимание на кейсах злоупотребления властью, с другой стороны, может уделить внимание примерам осмысленного, вдумчивого использования языка; есть возможность выявить как линии разрыва в социуме, то есть того, что препятствует солидарности (доминирование), так и определить точки соприкосновения (консенсус); посмотреть на процесс формирования дискурса глазами антагониста и протагониста; понять *modus operandi* на основе неизбежных, телесно обусловленных проявлениях субъекта, а также на основе ситуативных, идеологических векторов развития общества, характерных для конкретной исторической ситуации.

Ссылки:

1. Пинкер А. Язык как инстинкт / пер. с англ. ; общ. ред. В.Д. Мазо. М., 2004. 456 с.
2. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М., 2013. 344 с.
3. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. 1960. № 1. С. 135–168.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М., 1997. 310 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. А.Н. Баранова. М., 2004. 256 с.
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1: Разум вне машины / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М., 2011. 512 с.
7. Ричардсон Т.Э. Мысленные образы: Когнитивный подход / пер. с англ. М., 2006. 175 с.
8. Матисон Д. Медиа дискурс. Анализ медиа-текстов / пер. с англ. Хариков, 2013. 264 с.
9. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М., 2005. 576 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативные действие. СПб, 2001. 381 с.
11. Там же. С. 40.
12. Там же. С. 41.
13. Там же. С. 47–48.
14. Там же. С. 75.

Редактор: Грицай Екатерина Анатольевна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович